

И.Л. Честнов

Правопорядок в ситуации постмодерна

Автор статьи показывает проблемы понятия и содержания правопорядка в ситуации постмодерна. Правопорядок трактуется как практики, в которых воспроизводится правовая система социума. Его образуют субъекты права, их взаимодействия и правовые фреймы. Показана роль правовых интересов и легитимации правопорядка.

Ключевые слова: правопорядок; правовые фреймы; юридические типизации; легитимность правопорядка.

Постмодерн как состояние культуры постиндустриального, информационного общества проблематизирует классические представления об устройстве мира и в первую очередь понятие социального порядка, важнейшим аспектом которого выступает правопорядок. По мнению З. Баумана, «сущность “социального порядка” заключена в перераспределении, в дифференцированном размещении ресурсов и стратегии трансцендентности, произведенных культурой, а задача всех социальных порядков состоит в регулировании доступности этих ресурсов и в превращении ее в главный фактор стратификации и важнейшую меру социально обусловленного неравенства» [1: с. 6]. Однако так понимаемый социальный порядок невозможно содержательно, а тем более универсально измерить. Дело в том, что сегодня любое социальное явление или процесс принципиально амбивалентны, а его описание и оценка, которые неразделимы, зависят от позиции наблюдателя. Поэтому можно согласиться с З. Бауманом, что «предлагаемые и находящиеся в обороте жизненные смыслы не могут быть рассортированы на “верные” или “ошибочные”, истинные или мошеннические. <...> Это, однако, не означает, что все предлагаемые жизненные смыслы равноценны; из того, что ни один из них не попадает точно в цель, не следует, что все отклоняются от нее одинаково далеко. Каждая культура живет изобретением и передачей из поколения в поколение смыслов жизни, и всякий порядок держится на манипулировании стремлением к трансцендентности...» [1: с. 4, 5].

(Пост)современность применительно к проблематике социального порядка характеризуется двумя противоположными моментами: расширением автономии человека и одновременно расширением пределов контроля над свободой. «Зияющая пропасть между правом на самоутверждение и способностью контролировать социальные условия, делающие такое самоутверждение осуществимым или нереальным, является, судя по всему, основным противоречием “второй модернити”» [1: с. 64]. Баланс между личной свободой и общественной безопасностью — важнейшая проблема (пост)современности.

При этом приходится констатировать, что сегодня намечается переко́с в сторону безопасности, вытекающий из неуверенности в своем положении, непредсказуемости будущего и неопределенности настоящего. Более того, как прозорливо замечает З. Бауман, власть использует рост угроз общественной безопасности и социальному порядку в целях укрепления собственного господства. «Ощущение риска оказывается новой, более надежной гарантией подчинения» [1: с. 15], поскольку риск — это конструкция, которой легко можно манипулировать. «Ненадежность, будучи отчасти результатом осознанной политики, — со ссылкой на П. Бурдьё констатирует З. Бауман, — разрабатываемой наднациональным и все более экстерриториальным капиталом и с кривой ухмылкой претворяемой в жизнь правителями территориально ограниченных государств, которым не оставлено иного выбора, ненадежность, будучи отчасти следствием новой логики претензии на власть и [новых методов] самозащиты, — такая ненадежность является сегодня основным материалом для строительства глобальной властной иерархии и основным инструментом социального контроля» [1: с. 46].

Приход постмодерна привел к фрагментаризации традиции и обычаев, а также к утрате референтности как общезначимости авторитетов в масштабах социума. В этой связи возникает вопрос: а сохраняется ли сегодня единая общесоциальная культура в масштабах общества как основание социального — и правового — порядка? Или следует вести речь не более чем о субкультурах? Как минимум можно констатировать, что происходит локализация и фрагментаризация социальной идентичности, которая становится все более мозаичной и размытой. А поэтому размывается, фрагментируется по субкультурам и социальный порядок. Этому же способствует отсутствие единых ценностей, множественность нормативных систем и даже их конкуренция в современном сложноструктурированном мультикультурном социуме.

Все вышесказанное лишний раз свидетельствует о том, что постмодерн проблематизирует общественный порядок и его важнейший аспект — **правопорядок**. **Общественный порядок, правопорядок** — как и общество в целом — не «вещь» или данность, а процесс воспроизведения того, что считается «порядком» властью, реализуемый массовыми социальными представлениями и практиками населения. При этом критерий «нормальности» порядка (его «порядковости») определяется системой ценностей, к которым апеллируют при его нарушаемости (когда порядок не проблематизируется — он не рефлексивируется и воспринимается как данность, естественный ход вещей) [2].

Правопорядок с точки зрения постмодернизма выступает практиками, в которых воспроизводится правовая система социума. Как процессуальный аспект правовой системы, **правопорядок включает людей — носителей статусов субъектов права, их взаимодействия и знаковую (ментальную) систему правовых типизаций** (социальных правовых представлений, выражающих юридические значения, доминирующие в данном социуме, конкретизированные до уровня социальной ситуации и носящие процессуальный

характер поведенческого стереотипа)¹. Правовые типизации выступают содержанием юридических фреймов (или скриптов) и «упорядочивают действия и значения, посредством которых в процессе “исполнения” повседневной рутины поддерживается чувство онтологической безопасности. Фреймы представляют собой группы правил, которые помогают создавать и регулировать деятельность, относя ее к тому или иному типу и определяя в качестве объекта установленного диапазона санкций. <...> Формирование особой рамочной структуры, состоящей из и ограниченной взаимодействиями, “придает смысл” действиям, в которые вовлечены участники, с точки зрения их самих и окружающих индивидов. Сюда входит не только “буквальное” понимание событий, но и критерии, на основании которых индивид может осознать, что происходящее носит характер комичности, игры, театрального представления и т. п.» [4: с. 145].

Правовые фреймы представляют собой схемы или модели типичных, юридически значимых ситуаций, а правовые скрипты — модели поведения в этих ситуациях. Юридическая повседневность как правоприменителей, так и обывателей наполнена такого рода правовыми фреймами и скриптами. В процессе правовой социализации у любого человека возникают типизированные схемы того, как вести себя с полицейским, водителем или пешеходом, начальником, в магазине, как составлять юридические документы и т. п. При этом предполагается имплицитный (чаще всего) или эксплицитный диалог — соотнесение собственной интенции и экспектации с поведением «нормального» актора — носителя статуса субъекта права. В практической жизнедеятельности типизация наполняется конкретизацией процессуальным знанием ситуации, «нормальности» поведения в ней, на которое накладывается конкретный интерес данного участника (участников). Выбор варианта поведения предполагает соотнесение знания² о типичности ситуации, ожиданий поведения контрsubjекта и собственных интересов, трансформированных в мотивацию.

В этой связи возникают проблемы определения *интересов актора* социальных правовых интеракций, образующих содержание правопорядка, и проблема согласия (легитимности) как показатель «нормальности» правопорядка в социуме. Интересы акторов социальной жизни сложно эксплицитировать по нескольким соображениям. Прежде всего, как справедливо заявляет С. Люкс, понятие «интересов» является непреодолимо оценочным понятием. Это связано с тем, что «различные представления о том, что же такое

¹ Собственно повседневная жизнь как раз и «подразумевает наличие системы онтологической безопасности, выражающей независимость (автономность) контроля за действиями человека в рамках предсказуемого хода событий» [4: с. 100].

² Такое знание следует именовать практическим или «компетентностным». «Практическое сознание, — пишет Э. Гидденс, — предполагает знание и понимание правил и тактики, посредством которых повседневная социальная жизнь создается и воссоздается во времени и пространстве... Компетентная осведомленность, являющаяся частью практической деятельности, составляющей большую часть повседневной жизни, представляет собой основополагающее (наряду с властью) свойство социального мира» [4: с. 149–150].

интересы, ассоциируются с различными моральными и политическими позициями» [5: с. 58]. Интересы можно попытаться определить как то, что люди считают самым важным в своей жизни; можно — как субъективные предпочтения людей; можно также представить их как «необходимые условия человеческого благосостояния»; а можно — как то, что «конститутивно для благополучия, то есть, содержание достойной жизни» [5: с. 118–121]. Но более важно, пожалуй, другое. Для того чтобы интересы стали основанием действий человека, которыми воспроизводится общественный порядок, они должны быть осмыслены акторами как такие, которые соотносимы с действиями других акторов социальных интеракций и системой социальных норм, образующих содержание социального порядка. Но, во-первых, люди крайне редко рефлексировать свои действия, а действуют в основном на основе интериоризированных в процессе социализации типизаций социальных ситуаций. Во-вторых, у подавляющего большинства людей сегодня общественное мнение — как четко выраженные представления о должном и правильном и средствах его (должного и правильного) достижения, а не мечтания о том, что хорошо быть богатым и здоровым, — по многим, особенно сложным, ситуациям отсутствует. Оно — общественное мнение — как показал П. Бурдьё, формируется и навязывается властью (в широком смысле, включая прежде всего власть СМИ, референтные группы)³. Эффект символического господства состоит, по его мнению, в формировании «габитуса» — диспозиций, реализация которых порождает «практический разум» и упорядочивает представления актора о мире на уровне более низком, чем сознание. Не случайно Ж. Делез в свое время заметил: «...почему же происходит так, что люди, у которых вроде бы нет своего интереса, тесно смыкаются с властью, выключивают себе долю участия в ней? Быть может, это происходит потому, что в терминах инвестиции — столь же экономических, сколь и относящихся к языку бессознательного, корыстный интерес отнюдь не окажется определяющим словом, потому что есть инвестиции желания, объясняющие, почему мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса, — поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание, — но желать каким-то более глубинным и рассеянным образом, чем то диктует интерес» [6: с. 77].

Еще проблематичнее определить *легитимность или согласие подвластных* на то или иное конкретное содержание общественного порядка, без чего он — социальный порядок — не мыслим. Дело в том, что предположение о рациональности легитимации как процедуры легализации общественного порядка, якобы приходящей на смену традиционной легитимации как суггестии (внушения), на чем настаивал М. Вебер, оказалось завышенным ожиданием.

³ Вместо общественного мнения есть, «с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных интересов, и с другой стороны, — предрасположенности, которые по определению не есть мнение, если под этим понимать, как я это делал на протяжении всего анализа, то, что может быть сформулировано в виде высказывания с некой претензией на связности» [3: с. 177].

И даже гораздо более утонченные концепции аутопойезиса Н. Лумана или делиберативной (коммуникативной, процедурной) легитимации Ю. Хабермаса сегодня представляются не более чем утопиями. «Идея, будто может существовать состояние коммуникации, — писал М. Фуко, — которая будет такова, что игры истины смогут циркулировать в ней без препятствий, без давления и последствий принуждения, на мой взгляд, принадлежит к порядку утопии» [6: с. 266]. Более того, современная государственная рациональность, по изысканиям М. Фуко, коренится в теории государственного интереса, состоящего в самосохранении, и концепции полиции как тотальном управлении всей жизнедеятельностью человека. Поэтому, заключает он, «современным школам рациональности вряд ли нравятся попытки написать их историю, что, безусловно, свидетельствует о многом» [6: с. 303, 315].

Сегодня проблематизируется не только рациональность выбора как основание согласия в обществе, но и сам критерий свободы такого выбора, как и сам выбор, если обстоятельства, ему предшествующие, и результат зависят от множества не поддающихся расчету факторов. В этой связи можно согласиться с точкой зрения К. Хейворд, которая пишет, что области действия необходимо ограничены процессами аккультурации или формирования идентичности, поэтому невозможно различие свободного действия и действия, определяемого воздействием других [7: с. 30].

Сложность экспликации легитимности правопорядка состоит в том, что общественные интересы, если таковые существуют как четко выраженные предпочтения, всегда ситуативны, изменчивы, подвержены манипуляциям власти. Более того, отсутствие сопротивления существующему порядку не означает, что он — порядок — легитимен, т. е. принимается населением как «правильный», справедливый, другими словами, одобряется широкими народными массами. Как показал Д. Скотт в работе «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты» [8], подвластное население зачастую притворяется, чтобы выжить, и поэтому не высказывает явного недовольства существующим положением дел. Поэтому только в реально демократических обществах (и то с некоторыми оговорками) можно выявить легитимность социального порядка социологическими методами. В иных обществах требуются глубинные антропологические исследования для выявления легитимности общественного порядка.

Легитимность, как показал П. Бурдьё, состоит в навязывании властью с помощью символического господства представления о том, что существующий социальный порядок самоочевиден и естественен, при этом скрывая с помощью механизма социальной амнезии его сконструированность властью из «первичного произвола». В то же время он предостерегал от признания того, что легитимация социального порядка является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения. Натурализация социального порядка достигается непреднамеренно действием множества факторов. Но нельзя недооценивать власть идеологии, которая, как пишет С. Люкс, принимает разные формы «— от прямой цензуры и дезинформации до различных институциональных и персональных способов инфантилизации суждения, продвижения всех

вариантов отказа от рациональности и поддержания иллюзорного мышления, среди которых “натурализация” того, что могло бы быть иным, и сокрытие источников желаний и верований» [5: с. 212–213].

Таким образом, правопорядок в ситуации постмодерна является продуктом социального контроля, он конструируется механизмами господства, которые включают, по мнению С. Люкса, «внедрение представлений (и последующий надзор за их укоренением) о сексуальной и ментальной “нормальности”, о стандартах моды и мифах красоты, а также о гендерных ролях и возрастных категориях и, кроме того, об идеологических границах — например, между приватным и публичным, рыночным и нерыночным; это также бесчисленные формы и способы подавляющего навязывания стереотипов, форматирования и подачи информации в масс-медиа и в политических кампаниях и проч.» [5: с. 176].

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
3. Бурдые П. Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 159–179.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
5. Люкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.
7. Hayward C. R. De-facing Power. Cambridge, 2000. Cambridge University Press, 2000. 228 p.
8. Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, Yale University Press, 1990. 344 p.

Literatura

1. Bauman Z. Individualizirovanoe obshhestvo. M.: Logos, 2002. 390 s.
2. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sociologii gradov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 576 s.
3. Burd'e P. Obshhestvennoe mnenie ne sushhestvuet // Burd'e P. Sociologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993. S. 159–179.
4. Giddens E'. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij Proekt, 2003. 528 s.
5. Lyuks C. Vlast': Radikal'ny'j vzglyad. M.: Izd. dom Gos. un-ta — Vy'sshej shkoly e'konomiki, 2010. 240 s.
6. Fuko M. Intellektualy' i vlast': Izbranny'e politicheskie stat'i, vy'stupleniya i interv'yu. Ch. 1. M.: Praksis, 2002. 384 s.
7. Hayward S. R. De-facing Power. Cambridge, 2000. Cambridge University Press, 2000. 228 r.
8. Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, Yale University Press, 1990. 344 r.

I.L. Chestnov

Law and Order in a Postmodern Situation

The author of the article shows the problems of the concept and content of law and order in a situation of postmodernity. The rule of law is treated as practices in which the legal system of society is reproduced. It is formed by the subjects of law, their interaction and legal frames. The role of legal interests and the legitimization of law and order is shown.

Keywords: law and order; legal frames; legal typing; legitimacy of law and order.